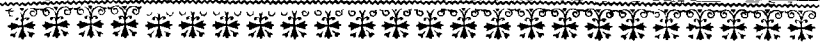

Андреев И. Д. В поисках новой школы [Рец. на:] Новая школа. Изд. К. П. Победоносцева. М., 1898 // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 3. С. 435—454 (2-я пагин.).

ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ ШКОЛЫ.

Edmond Demolins A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons Paris Firmin Didot

Edmond Demolins. L'École nouvelle La science Sociale—livraisons de septembre et d'octobre 1898

Новая Школа Издание К. П. Побѣдоносцева Москва 1898 г

Новое издание К. П. Побѣдоносцева, появившееся въ Москвѣ въ самомъ концѣ минушаго года, представляетъ собою въ первой половинѣ своей (стр. 1—56, гл. I—III) отчасти переводъ, отчасти передѣлку первыхъ трехъ главъ изъ книги Демолена „Отчего завлечить превосходство Англо-Саксонскаго племени“, а во второй части (стр. 57—120, гл. IV со многими подотдѣлами)—переводъ и передѣлку статьи того же Демолена, помѣщенной въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ 1898 г. редактируемаго имъ журнала *La Science Sociale*. Первые три главы книги Демолена, сравнивающей французовъ и англичанъ въ школѣ, въ жизни частной и въ жизни общественной, трактуютъ о настоящихъ школьныхъ порядкахъ Франціи, Германіи и Англии. Главы эти заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны тѣхъ общихъ мыслей, которыя могутъ вызываться наблюденіемъ порядковъ и нашей школы. Статья изъ *La Science Sociale*, вошедшая въ брошюру „Новая Школа“, дополняетъ и развиваетъ взгляды Демолена, изложенные въ книгѣ. Ознакомить читателей *Богословскаго Вѣстника* съ интересными сужденіями французскаго социолога по животрепещущимъ вопросамъ воспитанія и намѣтить тѣ существенныя ограниченія, которымъ школа должна подлечь эти сужденія, и составляетъ цѣль настоящей статьи.

Соображенія Демолена наиболѣе цѣнныя и оригинальныя мы будемъ передавать его словами, а второстепенныя — въ краткомъ изложеніи.

Большинство молодыхъ людей, наполяющихъ французскія коллегіи, по словамъ Демолена, всегда мечтаетъ о государственной службѣ—въ арміи, въ министерствахъ и пр. Государство, конечно, не можетъ осуществить всѣхъ этихъ мечтаний: между кандидатами оно должно дѣлать выборъ. Главнымъ основаніемъ для этого выбора служить экзаменъ. Отсюда все значеніе школы для француза. Одна лишь она можетъ открыть ему блестящую карьеру, она служитъ орудіемъ соціальной классификаціи. Съ другой стороны сама школа устраивается и работаетъ только для экзамена. Коллегія, выпускающая мало учениковъ, можетъ лишиться симпатій родителей и прилива питомцевъ. Характеру цѣли школы отвѣчаетъ вполнѣ и характеръ средства для ея достиженія. Средствомъ этимъ является такъ назыв. система *шоффажя* (*chauffage*). Эта система состоитъ въ томъ, чтобы сообщить воспитаннику въ возможно короткое время сумму поверхностныхъ, но на минуту достаточныхъ знаній по предметамъ экзамена. Возможно краткій срокъ дается школь во — 1-хъ потому, что питомецъ опасается пропустить положенный закономъ возрастъ для поступленія на службу, а во—2-хъ потому, что ему интересно начать свою карьеру возможно ранѣе, чтобы подняться возможно выше до истеченія крайняго срока службы.—Излишняя краткость времени, отводимого школь, дѣлаетъ ученіе неизбежно поверхностнымъ. Этотъ результатъ вызывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что при громадномъ наплывѣ кандидатовъ на мѣста стараются сократить этотъ наплывъ расширеніемъ школьныхъ программъ. Такъ образуются гдѣ энциклопедическія программы, которыхъ никакой умъ не въ силахъ исчерпать до конца.

Кромѣ шоффажя, система экзаменовъ влечетъ за собою необходимо „большой интернатъ“. Гдѣ экзаменъ является единственнымъ средствомъ сдѣлать карьеру, родителямъ приходится рассчитывать при воспитаніи своихъ дѣтей только на коллегію: шоффажъ требуетъ такихъ искусственныхъ способовъ обученія, которыя семьѣ неизвѣсны.

И надо сознаться, что такіе школьные порядки вполне отвѣчаютъ своей цѣли, т. е. подготовкѣ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ. Хорошій чиновникъ долженъ отречься отъ своей воли, долженъ быть вышколенъ въ послушаніи, долженъ безъ разсужденій исполнять приказанія начальства, быть простымъ орудіемъ въ рукахъ другого человѣка. И вотъ большой интернатъ служить для этого средствомъ. Онъ устраивается по казарменному типу: встаютъ по барабану или по колокольчику, идутъ рядами отъ одного упражненія къ другому и пр. Очевидно, такое воспитаніе подавляетъ въ молодомъ человѣкѣ привычку къ самодѣятельности, развитіе характера. Оно способствуетъ уравниванію характерныхъ особенностей семейственныхъ, — оно стремится всеѣмъ и каждому придать однообразную форму, изъ каждаго образовать орудіе, готовое слѣдовать тому направленію, которое ему дано будетъ. Система экзаменовъ не способна содѣйствовать развитію привычки разсуждать и мыслить. Наскоро и кое-какъ ученикъ поглотилъ громадную массу предметовъ съ помощью одной лишь памяти. Безъ разсужденія приято ученіе, все напечатанное программами — такъ школа приготовляетъ безъ разсужденія принимать уставы и приказы бюрократической иерархіи.

Кромѣ чиновничества можно указать еще на либеральныя профессіи, къ которымъ располагаетъ теперешній школьный режимъ. Однимъ изъ отличительныхъ особенностей этого режима является его энциклопедизмъ, вслѣдствіе постоянного расширенія программъ. Молодой французъ выходитъ изъ коллегіи съ убѣжденіемъ, что онъ знаетъ все, потому что онъ пробѣжалъ все, и что онъ можетъ говорить и писать обо всемъ — Но если теперешніе школьные порядки размножаютъ чрезмѣрно лицъ, отдающихся либеральнымъ профессіямъ, то извѣстно также, что они сообщаютъ этимъ лицамъ особенный умственный складъ. Характерной чертой этого склада является трудность и часто полное безсиліе изучить вопросъ глубоко. Французъ блещетъ особенно въ произведеніяхъ воображенія, быстрыми и, стало быть, рѣскованными обобщеніями. Ничего нѣтъ поучительнѣе въ этомъ отношеніи, какъ чтеніе *Журнала книжной торговли*, который даетъ недѣльный списокъ литературнаго производства Франціи. Работы, требующія долгаго труда, тамъ чрезвы-

чайно рѣдки, а если онѣ и попадаются, то это обыкновенно большія компиляціи, имѣющія характеръ болѣе или менѣе энциклопедическій, а не работы самостоятельныя, требующія долгихъ размышленій. Для значительныхъ трудовъ самостоятельныхъ во Франціи нѣтъ болѣе ни читателей, ни авторовъ. Издатель пятается въ ужасѣ при одномъ только предложеніи издать работу во многихъ томахъ. Это безсиліе отдаться исчерпывающимъ занятіямъ не есть „феноменъ расы“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить только производительность двухъ послѣднихъ вѣковъ и начала текущаго столѣтія съ производительностію послѣднихъ сорока лѣтъ. Это явленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ школьнаго шоффажа, обусловливаемого экзаменами. Когда умъ приученъ только пробѣгать по верхамъ предметовъ, изучать только руководства, быстро схватывать скорѣе, чѣмъ рассуждать, вбирать въ себя въ непереваренномъ видѣ возможно большое количество знаній, всякій трудъ методическій и глубокій становится невозможнымъ. И естественно, что безсиліе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше и интенсивнѣе бывають подвержены режиму шоффажа и экзаменовъ. Это явленіе достигаетъ наибольшаго развитія у студентовъ высшихъ школъ. Они обладаютъ прекрасною памятью, быстротою пониманія, способностію схватить объясненіе, такъ сказать, налету. Но это единственныя качества, которыя постарались развить у нихъ, и которымъ они обязаны своими успѣхами на экзаменахъ. Но студенты пасуютъ, когда приходится приложить къ дѣлу эти качества, болѣе блестящія, чѣмъ серьезныя. Напѣ настоящій школьный режимъ, заключающій Демолень, создаетъ главнымъ образомъ чиновниковъ: онъ мало способенъ дать иной результатъ. Особено мало способенъ онъ образовать человѣка.

Второй главы книги Демолена мы излагать не будемъ, потому что авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ въ ней рѣчь императора Вильгельма II о желательныхъ измѣненіяхъ въ германскихъ школахъ. Каковы эти измѣненія, можно судить по одной слѣдующей фразѣ этой рѣчи: „господа, говоришь императоръ, мнѣ нужны солдаты; нужно покотѣніе крѣпкое, способное на службу отечеству... И я думаю, что слѣдуетъ примѣнить къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ организацію военныхъ школъ, нашихъ кадетскихъ корпусовъ“.

Глава третья книги Демолена трактуетъ объ англійскихъ школьныхъ порядкахъ и о нарождающихся явленіяхъ въ области этихъ порядковъ. Еслибы можно было, говорить Демолень, резюмировать въ одной формулѣ весь социальный вопросъ, то позволительно было бы сказать, что онъ есть главнымъ образомъ вопросъ воспитанія. Въ общемъ дѣло теперь идетъ о томъ, чтобы приладиться къ новымъ условіямъ міровой жизни, которыя требуютъ, чтобы мы выработывали въ себѣ способность разсчитывать на самихъ себя. Старые усюи, на которые привыкли и считали долгомъ опираться, трещать и валяться. Мы имѣемъ счастье или несчастье жить во время, когда совершается это роковое измѣненіе. Пытываемое нами недомоганіе зависитъ отъ контраста между нашею системою воспитанія, основанною на устарѣлыхъ методахъ, и новыми требованіями жизни: мы продолжаемъ еще спокойно готовить людей для общества, которое окончательно умерло. Въ высшей степени трудно искоренить въ себѣ слѣды подобнаго воспитанія. Не знаю, говоритъ Демолень, отдають ли себѣ отчетъ мои читатели относительно самихъ себя, но относительно себя я очень хорошо сознаю это явленіе. Я чувствую ясно, что во мнѣ два человѣка: одинъ, благодаря научнымъ занятіямъ социальными явленіями, видитъ, что нужно дѣлать, и можетъ разсуждать болѣе или менѣе авторитетно; другой, охваченный своимъ врожденнымъ складомъ, подавленный нѣкоторымъ образомъ тяжестью прошлаго, не можетъ дѣлать того, что видитъ первый, или дѣлаетъ только съ трудомъ и отчасти. Моя голова вошла въ „формацію партикулярнистическую“, которая развиваетъ инициативу, а остальное мое существо пребываетъ во власти „формаціи коммуитарной“ 1), подавляющей эту инициативу.—Но то, что трудно для насъ и въ наши дѣта, то нетрудно для нашихъ дѣтей: они, по край-

1) *Общества формаціи коммуитарной* характеризуются стремленіемъ опираться не на самого себя, а на общину, на группу, семью, племя, классъ, правительственныя власти и пр. Народности Востока образцы наиболѣе наглядный этой формаціи

Общества формаціи партикулярнистической характеризуются стремленіемъ опираться не на общину, а на самого себя. Народности англосаксонскія представляютъ собою образчики наиболѣе характерный этой формаціи

ней мѣрѣ, еще подобны мягкому воску, способному воспринимать новые отпечатки и сохранять ихъ. Если мы осуждены оставаться на берегу, поможемъ имъ перейти Рубиконъ.

Мостомъ черезъ этотъ Рубиконъ въ глазахъ Демолена является воспитаніе дѣтей въ томъ направленіи, въ какомъ ведутъ его англичане, Изъ хорошихъ школъ английскихъ Демолень описываетъ двѣ самыя хорошія, основанныя и руководимыя докторомъ Редди и его ученикомъ Бадни.

При первомъ знакомствѣ д-ръ Редди говоритъ Демолену: „современное обученіе не отвѣчаетъ условіямъ современной жизни: оно образуетъ людей для прошлаго, а не для настоящаго. Большинство нашей молодежи теряетъ значительную долю своего времени на изученіе мертвыхъ языковъ, коимъ лишь немногіе имѣютъ случаи пользоваться въ дальнѣйшей жизни. Они вскользь знакомятся съ новыми языками и естественными науками и остаются въ невѣдѣніи обо всемъ, что касается жизни дѣйствительной, практики вещей и ихъ отношеній къ обществу. Наша система шрѣ нуждается въ реформѣ настолько же, какъ наша система ученія. Атлетическое переутомленіе столь же очевидно, какъ и переутомленіе классическое. Затрудняетъ реформу то обстоятельство, что надъ нашими школами тяготѣетъ вліяніе университетовъ, къ коимъ онѣ готовятъ нѣкоторую долю своихъ воспитанниковъ. Университеты же эти, какъ всѣ старинныя корпораціи, надъ собою не властны. Надъ ректоромъ, надъ профессорами носится невидимый, неосязаемый призракъ: то духъ преданія и рутины, болѣе сильный, чѣмъ само начальство“.

Какъ видите, развязный д-ръ Редди зачеркиваетъ все настоящее школы на континентѣ и отчасти въ Англійи. А что же онъ ставитъ на мѣсто зачеркнутаго? Свою собственную школу, конечно, и школу своего подражателя, которая съ восторгомъ описываетъ Демолень. Обѣ школы помѣщаются среди сельскаго простора и возбуждаютъ представленіе о жизни дѣйствительной, а не о тюрьмѣ или казармѣ. Это представленіе поддерживается мебелью школьныхъ помѣщеній и отношеніемъ директора школы, его семьи и преподавателей къ питомцамъ — Распределеніе времени въ этихъ школахъ также нѣсколько своеобразно, и вполнѣ целесообразно. Пять часовъ отводится умственному труду, два съ половиной — за-

пятняхъ художественнымъ и общественнымъ развлеченіямъ, девять—сѣмь и три часа проходятъ за столомъ и на свободѣ. Утро посвящено умственному труду, ученію школьному, вторая половина дня—ручнымъ работамъ въ саду или мастерской; вечеръ—искусству, музыкѣ, развлеченіямъ.

Изъ числа пріемовъ обученія школьнаго въ новыхъ заведеніяхъ обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующій. По мнѣнію, весьма распространенному въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ Демолень, методъ, состоящій въ поощреніи воспитанниковъ къ труду соревнованіемъ, ошибоченъ: онъ основываетъ успѣхи на взаимной зависти, а не на чувствѣ долга; этимъ онъ развиваетъ дурную склонность человѣческой природы. Чтобы превратить дѣтей въ мужей, нужно обращаться съ ними, какъ съ взрослыми, по возможности часто обращаясь къ ихъ совѣсти. Этотъ методъ, по словамъ Редди, не только не уменьшаетъ интереса дѣтей къ работѣ, но, напротивъ того, помогаетъ усиливать этотъ интересъ, ибо обращаетъ его на самый трудъ, а не на сопряженную съ нимъ награду. Не нужно, чтобы дѣти могли подумать, будто почетная награда цѣль и вѣнецъ воспитанія. Школьники должны узнать, что жизнь не есть лотерея, и что цѣль ея—не удовлетвореніе тщеславія.

Въ новыхъ школахъ прекрасно изучаются новые языки, разумѣется, практически, что возможно при небольшомъ числѣ питомцевъ. Ученіе идетъ сначала на англійскомъ языкѣ, потомъ два года говорятъ по французски и, наконецъ, два года по нѣмецки. Преподаваніе всѣхъ другихъ предметовъ ведется такимъ же практическимъ способомъ. По математикѣ ученики Редди изучаютъ счета издержекъ по разнымъ отдѣламъ хозяйства школы и пр. Естественныя науки изучаются почти вполнѣ на воздухѣ среди живыхъ представителей природы. Исторія преподается по методу, каковаго, говоритъ Демолень, мы держимся въ социальной наукѣ. Стараются преимущественно возбуждать интересъ выясненіемъ причинъ и слѣдствій въ сложной исторической драмѣ, съ характерами и переворотами, а не обременяютъ умъ избыткомъ фактовъ и чиселъ. Стараются опредѣлить отношеніе между физическими и политическими особенностями странъ и ихъ торговымъ развитіемъ.

До пятнадцатилѣтняго возраста обученіе однакоже для

всѣхъ, но затѣмъ оно болѣе или менѣе разнообразится, смотря по жизненному поприщу, предстоящему воспитаннику. Обученіе устроено для учениковъ, а не ученики подгоняются подъ обученіе.

Мы не будемъ останавливать вниманіе читателя на описаніи послѣобѣденныхъ тѣлесныхъ упражненій, ручного труда, вечернихъ занятій музыкой, развлеченій и пр. въ школѣ Редди, а также на заключительныхъ обобщеніяхъ Демолена, которыя повторяютъ замѣчанія, высказанныя имъ раньше и нами уже изложенныя. Мы перейдемъ ко второй половинѣ брошюры „Новая школа“, представляющей переводъ и передѣлку статьи Демолена изъ *La Science Sociale*. Здѣсь прежде всего любопытна параллель между старымъ и новымъ типомъ учителя и школы.

Представителями теперешняго учебнаго персонала служатъ классный учитель и надзиратель. Учитель живетъ обычно внѣ школы. Онъ приходитъ въ урочные часы въ классъ, входитъ на кафедру, по звонку сходитъ съ нея и спѣшитъ уйти домой. Разумѣется, ни о какомъ личномъ отношеніи между учителемъ и ученикомъ не можетъ быть и рѣчи.—Надзиратель обычно живетъ въ школѣ, но его постоянное присутствіе имѣетъ цѣлью постоянный надзоръ, и потому онъ не принадлежитъ къ числу любимыхъ лицъ и внушаетъ скорѣе страхъ, чѣмъ доброе расположеніе. И нельзя его винить въ томъ: таково его положеніе, оно не имъ устроено и ему первому тягостно. Дѣйствительно, чтобы держать въ повиновеніи такое количество дѣтей, остающихся безъ призора и попеченія въ разобщеніи съ учителемъ, приходится дѣйствовать страхомъ наказаній. Это непривлекательное дѣло лежитъ на надзирателѣ. Удивительно-ли, что этотъ молодой человѣкъ не можетъ имѣть на дѣтей никакого серьезнаго вліянія?

Лишенный воздѣйствія обоимъ своимъ воспитателямъ, воспитанникъ предоставленъ самому себѣ и воздѣйствію своихъ товарищей. Тутъ съ ними и чрезъ нихъ совершается его воспитаніе. И состоитъ оно существенно въ изобрѣтеніи тысячи уловокъ, съ помощію коихъ возможно обмануть привязчивой надзоръ и заявить свою свободу посреднъ всяческаго стѣсненія. И разумѣется, между учениками славится тотъ, кто всего молодцоватѣе въ этой борьбѣ съ начальствомъ.

и всего искуснѣе умѣеть укрыться отъ надзора и избобрѣтать продѣлки. А такъ какъ между начальствомъ и учениками игра неравная, то для ея уравновѣшенія роковая необходимость влечеть учениковъ къ притворству и лжи.

Таковы результаты строя нынѣшней школы.

Новый типъ школы и учителя Демолень снимаетъ съ заведенія д-ра Редди и его подражателя. Здѣсь нѣтъ прежде всего раздѣленія функций надзора и обученія: и тогь и другое ведется однимъ лицомъ—профессоромъ. Профессоръ живетъ въ школѣ, обѣдаетъ онь за однимъ столомъ съ питомцами; если онь женатъ, жена или учитъ музыкъ, или надзираеть за хозяйствомъ. Такъ устраняется ваяшый недостатокъ старой школы — отсутствіе личныхъ отношеній между учителемъ и учениками. — Вся учебная работа происходитъ въ классѣ, съ участіемъ учителя. Такая система, конечно, возможна лишь при ограниченномъ числѣ учениковъ—отъ 10 до 15 въ классѣ. При обычной же системѣ преподаванія со множествомъ учениковъ результаты и не могутъ быть сносными. Воспитанникъ, которому нѣтъ нужды отвѣчать прямо за урокомъ, перестаетъ участвовать въ классной работѣ, надѣясь на учебникъ, на тетрадку соеѣда или ши на что не надѣясь. Вотъ эта привычка откладывать напряженіе и рассчитывать на авось, пріобрѣтенная въ школѣ, переносится потомъ и въ жизнь. У чиновника, у бюрократа въ рукахъ дѣлю терпѣть, его можно тянуть: капиталъ отъ этого не уменьшается, развѣ страдаетъ государственный бюджетъ. Но земледѣльцу, промышленнику, торговцу, нельзя тянуть дѣлю и медлить безнаказанно: тутъ человекъ, если желаетъ, чтобы не отѣснили его болѣе дѣятельные работники, долженъ спѣшить и рѣваться, и дѣйствовать: нельзя откладывать до завтра.

Характерною чертою учителя обычной школы является затѣмъ то, что онь по большей части специалистъ. Отсюда необходимость умножать въ коллегіяхъ число учителей по числу предметовъ преподаванія. Между тѣмъ учитель специализистъ рѣдко бываетъ истинно хорошимъ учителемъ. Во-первыхъ, ему труднѣе примѣнить свое знаніе къ дѣтскому пониманію: часто бываетъ, что онь объ этомъ и не заботится. Ему знакомѣе пріемы университетскаго и спеціальнаго обученія, только-что имъ пройденнаго, и трудно ему девонъ

себѣ простѣйшіе приемы обученія начального или среднего. Известно по опыту, что самые ученые люди рѣдко бываютъ хорошими учителями. Я самъ, говорить про себя Демолень, по своей спеціальности занимаясь болѣе 20 лѣтъ, гораздо болѣе затрудняюсь передавать своимъ дѣтямъ элементы географіи и соціальной исторіи, нежели читать полный курсъ этихъ наукъ студентамъ.—Во-вторыхъ учитель спеціальностей мало способенъ овладѣть вниманіемъ дѣтей и, стало быть, имѣть на нихъ вліяніе. Онъ дѣйствуетъ лишь на одну точку въ разумѣніи ученика, потому что умъ его самого дѣйствуетъ въ тѣсныхъ предѣлахъ одной лишь области вѣдѣнія. И отъ этого еще усиливается разобщеніе между учителемъ и ученикомъ.

Въ Англіи школьная среда стремится производить и производить учителя-человѣка цѣльнаго, имѣющаго разнообразныя литературныя научныя свѣдѣнія и притомъ обладающаго добрыми физическими качествами, ловкостію руки и тѣла, крѣпкимъ здоровьемъ.

Школы, описываемыя Демоленью, какъ говорилось раньше, представляютъ картину жизни дѣйствительной и цѣльной: этотъ характеръ придастъ имъ еще болѣе присутствіе женщины или школьныхъ женщинъ, женъ учительскихъ. Присутствіе женщинъ возбуждаетъ молодыхъ людей внимательнѣе смотрѣть за собою; оно приучаетъ ихъ къ свободной общительности, поддерживаетъ обычаи семейнаго быта, не позволяющій школѣ стать казармою; наконецъ, даетъ молодому человѣку возможность при выходѣ изъ школы вступить естественно и просто въ отношенія къ женскому обществу.

Нельзя не придавать большого значенія нравственному и умѣряющему вліянію физическихъ упражненій и жизни на вольномъ воздухѣ. Это обстоятельство должно бы составлять особенную заботу воспитателей юношества. Въ нашей школьной системѣ, говорить Демолень, мы стараемся дѣйствовать на молодежь нравственными и религіозными наставленіями, но дѣйствіе ихъ къ несчастію ослабляется еще снѣжачею жизнью, на которую обречены ученики. А ничто такъ не способствуетъ этому дѣйствию, какъ дѣятельная жизнь, возбуждающаяся энергическую реакцію физическою усталостію въ теченіе дня и крѣпкимъ сномъ ночью. Ручныя работы,

игры, приводящія въ движеніе всё члены, ежедневное купанье лѣтомъ и зимою—эти нравственныя пружины гораздо дѣйствительнѣе словесныхъ наставленій, которыя входятъ въ одно ухо и выходятъ въ другое. Хорошо и дѣйственно наставленіе, когда человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ не трудно ему дѣйствовать такъ, какъ его учатъ. Въ этомъ состоитъ искусство воспитанія.

Наконецъ, важнымъ средствомъ, коимъ облегчается въ новыхъ школахъ задача воспитанія, является также вліяніе на питомцевъ черезъ питомцевъ. Директоръ каждый почти вечеръ призываетъ къ себѣ въ кабинетъ наединѣ одного изъ старшихъ воспитанниковъ и старается внушить ему ту мысль, что старшіе гораздо болѣе, чѣмъ начальникъ, могутъ имѣть вліянія на добрый порядокъ въ школѣ, и что онъ на нихъ полагается въ надзорѣ за тѣмъ или другимъ предметомъ. Въ каждомъ номерѣ, гдѣ живутъ дѣти отъ 6 до 10 человѣкъ, есть старшій: онъ наблюдаетъ за порядкомъ во всемъ. Младшій воспитанникъ долженъ слушаться старшаго, но если старшій оказался виновнымъ въ несправедливости относительно товарища или въ дурномъ поведеніи, съ него снимается это право и онъ еще подчиняется другому младшему. Это считается самымъ суровымъ и позорнымъ наказаніемъ.—Отсюда выходитъ, что школа дѣйствительно поручена самимъ воспитанникамъ—она имъ принадлежитъ: они отвѣчаютъ за порядокъ во всемъ: то довѣріе и уваженіе, которое имъ оказывается, развиваетъ въ нихъ самихъ увѣренность въ себя и чувство собственного достоинства.

Вышая похвала французскаго учителя воспитаннику гая: „сынъ вашъ покоренъ и послушенъ“ А первая отмѣтка директора новой англійской школы, гдѣ учился сынъ Демолена, присланная послѣднему въ концѣ школьнаго года, гласила такъ: „думаю, что вы найдете перемену въ вашемъ сынѣ: онъ сталъ крѣпче тѣломъ, самостоятельнѣе характеромъ, больше владѣть собою“. Вотъ какое прекрасное, возвышенное и точное разумнѣе воспитанія и чествовка, восклицаетъ восхищенный Демолень.

Здѣсь мы кончимъ изложеніе воззрѣній Демолена, составляющихъ главное содержаніе русской брошюры „Новая школа“. На остальныхъ страницахъ этой брошюры перека-

ются соображенія Демолена по поводу двухъ программъ— официальной французской и программы англійской школы новаго типа. Мы не будемъ останавливаться на этихъ соображеніяхъ за недостаткомъ мѣста, а также потому, что оба члена даваемого Демоленомъ сравненія одинаково неизвѣстны русской публикѣ.

Въ качествѣ эпиграфа къ брошюрѣ „Новая школа“ стоитъ извѣстная фраза изъ первой сатиры Горация: *mutato nomine, de te fabula narratur*. Конечно, *de te...* однако далеко не во всѣхъ пунктахъ. По словамъ издателя брошюры „предполагаемая авторомъ конструкція школьнаго дѣла по образцу англійскихъ коллегій, безъ сомнѣнія, не можетъ служить образцомъ универсальнымъ для всякаго общества, для всякаго быта и для всякой экономіи, и, конечно, для примѣненія этой формы всего меньше условій представляетъ Россія“. Но и помимо этого *fabula* Демолена не касается насъ прежде всего въ самомъ главномъ пунктѣ, въ исходномъ пунктѣ всѣхъ его разсужденій. Демолень начинаетъ свою книгу констатированіемъ печальнаго факта, что Франція чрезвычайно перепроизводитъ людей непроеводительныхъ профессій: кандидатовъ на государственныя должности, литераторовъ и пр. Мы, разумѣется, не можемъ жаловаться на это перепроизводство. Какъ извѣстно, наши университетскіе факультеты, способные выпускать литераторовъ напр., поражаютъ значительнымъ числомъ слушателей. Напротивъ, мѣста въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ ученыхъ дѣятелей торговли, промышленности и земледѣлія, у насъ буквально берутся съ бою. Что дѣлается въ горномъ, технологическомъ, сельскохозяйственномъ и др. институтахъ, извѣстно всѣмъ. Кромѣ того министерство финансовъ и путей сообщенія не успѣваютъ разработывать проекты новыхъ практическихъ учебныхъ заведеній. И въ этихъ новыхъ заведеніяхъ двери будутъ также ломиться подъ напоромъ желающихъ пройти черезъ нихъ, какъ ломаются въ старыхъ. Демолень едва ли былъ освѣдомленъ о практичности и благоразуміи современной русской молодежи: иначе онъ, по крайней мѣрѣ, смыходомъ, сказалъ бы ей complimentъ и поставилъ ее въ примѣръ своимъ молодымъ соотечественникамъ.

Въ книгѣ Демолена затѣмъ высказываются и такія пожеланія и требованія, логически вытекающія изъ основной точки зрѣнія автора на дѣло, которыя не только не приложимы къ намъ, но и нигдѣ не могутъ имѣть большого значенія. Припоминая схему, по которой движутся разсужденія Демолена, легко видѣть, что выводъ изъ нея можетъ быть только одинъ, и Демолень смѣло дѣлаетъ его, зачеркивая *всѣ* теперешній школьный строй, какъ негодный въ своемъ существѣ. Намъ кажется, съ такимъ выводомъ помириться совершенно невозможно. Отрицать существующій школьный строй совершенно можно только во имя порядковъ, которые въ состояніи вполнѣ замѣнить его. Демолень такіе порядки находитъ въ парадующихся школахъ англійскихъ. Но, какъ сейчасъ увидимъ, находка эта во-первыхъ не столь цѣнна сама по себѣ, какъ это представляетъ авторъ,—во-вторыхъ является не универсальнымъ средствомъ для излѣченія недуговъ школьнаго организма, а только блестящей драгоценностію, ласкающею взглядъ, но непригодной для житейскаго обихода.

Прежде всего изъ того, что Демолень говоритъ о новыхъ школахъ англійскихъ, слѣдуетъ вычести значительную величину, приходящуюся на долю излишняго увлеченія французскаго соціолога Демолень, самъ того не подозревая, попадаетъ въ положеніе тѣхъ осмѣиваемыхъ имъ соотечественниковъ, которые постѣ Седана увѣряли, что если иѣмцы и побѣдили, то причиною былъ ихъ школьный учитель, школьные порядки. Французы принялись расширять школьныя программы и увеличивать количество школъ; не жалѣли никакихъ расходовъ, когда дѣло шло объ ученьи. Всѣ заиѣли: надо подражать Германіи. Какъ отъ нея стали заимствовать военныя учрежденія, такъ пошли заимствовать ея школьные порядки, ея педагогію, ея филологію, славную, глубокую, тонкую германскую филологію. Давайте правленные латинскіе тексты юношамъ шестого класса и вы увидите, какъ вся страна поднимется духомъ,—говорили ученые доктора университета, и вся Франція принялась повторять во-внебную формулу. Такъ было постѣ Седана. Но теперь Англія побиваетъ Францію въ области колониальной политики и въ торговлѣ. У всѣхъ еще въ памяти недавній пицдевякъ съ Фанодой. Теперь во Франціи начинаютъ запѣвать: надо подражать Англій. Главнымъ запѣвалою на этотъ разъ

является Демолень. Если германскій учитель обмануль Францію, то ясно, что надо учиться у доктора Редди—таковъ, по видимому, сердечный силлогизмъ французскаго социолога. Подъ давленіемъ этого силлогизма Демолень и стужаетъ радужныя краски при описаніи новыхъ англійскихъ школьных порядковъ. Къ этому его предрасполагало еще и другое обстоятельство. Онъ только тогда и могъ подвернуть критикѣ настоящіе школьные порядки, когда имѣлъ въ распоряженіи нѣчто, что могъ поставить на мѣсто зачеркнутаго. Чѣмъ сильнѣе нападки его на старый режимъ, тѣмъ ярче онъ долженъ былъ выставлять достоинства новаго. Отсюда преувеличенія есть и въ критикѣ, но особенно много ихъ въ описаніи идеальной школы. Тутъ Демолень доходитъ до смѣшного. Подобно своимъ соотечественникамъ, видѣвшимъ спасеніе страны въ исправныхъ лагипскихъ текстахъ, онъ съ восторгомъ описываетъ даже наружность д-ра Редди, который, какъ кажется, воспроизводитъ типъ американскаго янки. Судите сами: „высокій, стройный, мускулистый, превосходно сложенный для всѣхъ спортовъ, требующихъ подвижности, ловкости, энергии; въ костюмѣ, отично дополняющемъ его физиономію, костюмѣ англійскаго туриста; въ блузѣ изъ сѣраго сукна съ поясомъ, обрисовывающимъ галію, въ короткихъ штанахъ и толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ, завернутыхъ подъ колѣнами, въ толстой обуви, съ шаночкой на головѣ. Вхожу въ эги подробности, говорить Демолень, потому что этотъ типъ директора представляетъ мнѣ живымъ образчикомъ того типа школы, который собираюсь описать: дѣятье олицетворяетъ собою дѣло“.—Раньше мы привели взгляды Редди, высказанные имъ при первомъ знакомствѣ съ Демоленью. Почтенный докторъ сразу уничтожилъ всю теперешнюю школьную систему и сдѣлалъ это до того развязно и самоувѣренно, что совсѣмъ зашипотипировать французскаго социолога. Самоувѣренность и развязность тоже принадлежатъ къ числу великихъ качествъ, такъ возвышающихъ янки надъ европейцами!

Все это подлечить вычету изъ описанія Демоленью новыхъ школьных порядковъ. Есть и еще кое-что. Демолень помимо личнаго наблюденія въ качествѣ негочиниковъ для своего описанія привлекаетъ программы новыхъ школъ, рекламы и пр. Читатель понимаетъ, конечно, что назвать на-

дежными подобные источники не возможно. Не станемъ говорить о личномъ наблюдѣніи, которое естественно привело Демолена къ розовымъ результатамъ. Остановимся на проспектахъ Редди и его подражателя, объясняющихъ цѣли и приемы новаго воспитанія, которые постоянно цитируетъ Демолень. Этотъ источникъ весьма односторонній. Нужно быть только расчетливымъ человѣкомъ, чтобы въ качествѣ директора частнаго учебнаго заведенія, кровно заинтересованнаго въ количествѣ учениковъ, разцвѣтитъ самыми привлекательными красками планъ обученія и воспитанія въ своей школѣ. Особые мастера, какъ извѣстно, на подобныя рекламы и есть именно янки, которымъ не прочь угодить д-ра Редди и самъ Демолень.

Въ подтвержденіе нашихъ сомнѣній насчетъ соответствія красоты учебныхъ и воспитательныхъ плановъ д-ра Редди и его подражателя совершенству дѣйствительныхъ порядковъ въ ихъ школахъ мы можемъ сослаться на два-три пункта въ этихъ планахъ. Директоръ Бедельской школы, скопированной со школы Редди, прямо заявилъ Демолену, что его заведеніе не можетъ дѣлать своего дѣла безъ шеституга старшихъ. Для Демолена этотъ шеститугъ, конечно, является новостію и приводитъ его въ восторгъ. Но опять и критика всѣхъ выдающихся писателей и дѣятелей-педагоговъ припесли суровое осужденіе этому шеститугу. Мы не станемъ повторять аргументовъ прогивъ него. У многихъ читателей нашихъ, нагѣмся, эти аргументы доселѣ заложены во всѣхъ нервахъ. Могутъ сказать, что обращеніе къ помощи старшихъ воспитанниковъ въ школахъ типа Редди практикуется плаче и приноситъ поэтому другіе результаты. Можетъ быть! Въдѣ у этихъ янки все дѣлается не по нашему и лучше нашего по ихъ увѣренію, по крайней мѣрѣ.

Если въ приведенномъ случаѣ д-ръ Редди и его подражатель для выполненія своихъ плановъ пользуются очень дешевымъ средствомъ, совершенно заброшеннымъ и давно осужденнымъ, то съ другой стороны они не прочь поразить читателя введеніемъ такого идеальнаго педагогическаго приѣма, о которомъ не-англо-саксонскіе педагоги не смѣютъ и мечтать. Краснорѣчивое описаніе этого приѣма докторомъ Редди приведено выше. Сущность его состоитъ въ полномъ устраненіи поощренія воспитанниковъ къ гуду соревнова-

ниемъ и наградами и въ замѣнъ этого поощренія обращеніемъ къ совѣсти дѣтей. Чувство зависти такимъ путемъ подавляется, а замѣнъ его воспитывается чувство долга. Но, во-первыхъ, соревнованіе—явленіе совершенно неизбежное, разъ есть на лицо хоть два ребенка, дѣлающихъ одну и ту же работу на глазахъ учителя, а во вторыхъ, соревнованіе не можетъ культивировать чувства зависти, ибо оно не тождественно съ этимъ чувствомъ, гораздо сложнее и деликатнѣе его. Въ опытныхъ и мягкихъ рукахъ учителя оно есть превосходное средство для выработки у дѣтей привычки внимательнаго отношенія къ работѣ, для поддержанія энергіи при прохожденіи многихъ неизбежныхъ отдѣловъ, вѣдаться съ которыми не захочетъ никакой дѣтскій „долгъ“.

Наконецъ, отмѣтимъ одинъ дидактическій пріемъ, употребляемый докторомъ Редди. Выше приведены соображенія англійскихъ новаторовъ о преподаваніи исторіи въ ихъ школахъ. Это преподаваніе начинается съ 1-го класса дѣтямъ 11—12 лѣтъ. Но легко видѣть, что такая постановка этого преподаванія, о какой говоритъ Демолень, возможна только въ вышемъ учебномъ заведеніи.

Эти и многія другія по неопытности и неосторожно обращенныя мѣста въ описаніи Демолена заставляютъ насъ несколько разъ спустить слишкомъ высокій тонъ, въ которомъ французскій социологъ повѣствуетъ о подвигахъ англійскаго педагога-новатора.

Но еще болѣе мы должны будемъ уменьшить значеніе находки Демолена въ томъ случаѣ, если примемъ въ расчетъ тѣ средства, при которыхъ мыслимы новыя школы, размѣры ихъ возможнаго распространенія въ странѣ. Вопросы эти нельзя считать побочными, разъ школа разсматривается не какъ игрушка небольшихъ слоевъ населенія, а какъ ягучая потребность всего общества.—Большинство изъ тѣхъ улучшеній школьныхъ порядковъ и методовъ обученія, которые ввѣтъ въ своей школѣ д-ръ Редди и которые воспѣваетъ Демолень, возможно только при томъ условіи, если учебное заведеніе является не заведеніемъ въ нашемъ смыслѣ, а пансіономъ съ самымъ небольшимъ числомъ питомцевъ. Предѣльной цифрой самъ д-ръ Редди считаетъ 100 человекъ. Приблизительно на каждаго преподавателя приходится 10 уче-

никовъ. Согласно своимъ планамъ д-ръ Редди подборъ этихъ преподавателей долженъ дѣлать самымъ тщательнымъ образомъ. Если прибавить къ этому, что они *все* свое время отдають школь, то становится понятнымъ, что „жалованіе имъ полагается разбромъ выше того, что получаетъ ординарный профессоръ во Франціи“. Если принять цифру для этого жалованія 15,000 франковъ, то $15000 \times 10 = 150,000$: 100 = 1500 франковъ съ каждаго ученика должно тратиться только на плату учителямъ. Принимая затѣмъ во вниманіе, что питомцы Редди живутъ въ чисто семейной обстановкѣ, богатой и пзящной, что обученіе обставлено всевозможными удобствами, считая, наконецъ, приличную сумму для вознагражденія д-ра Редди за хлопоты и „предпринимательскій рискъ“, можно на каждаго ученика прибавить еще 1500 франковъ. Итакъ, за удовольствіе учить сына въ школь типа Редди надо платить приблизительно 3000 франковъ, т. е. около 1200 рублей. Но много-ли такихъ состоятельныхъ родителей наберется во Франціи? Вѣдь и въ болѣе богатой Англии школь новаго типа только двѣ. А во Франціи одна пока только задумана. Едва-ли можно ошибиться, предположивъ, что не болѣе 2% всего населенія Франціи въ состояніи воспользоваться услугами такихъ дорогихъ школь. Про насъ и говорить нечего. Такіе отцы у насъ оказывались нѣкогда только среди крупныхъ помѣщиковъ. Возможность тратить значительныя суммы на дѣтей создавала и у насъ нѣчто подобное школамъ Редди—частные прекрасно обставленные пансіоны, дававшіе нерѣдко хорошіе результаты. Здѣсь хорошо изучались живые языки и прочіе предметы проходившій съ успѣхомъ, недоступнымъ обыкновенному учебному заведенію.

Но если так. обр. намъ и думать нечего о школахъ типа д-ра Редди, то все же картины, рисуемая Демосеномъ, должны несимметрически настраивать многихъ родителей-читателей. Такъ и должно быть. Чѣмъ больше этого пессимизма, тѣмъ лучше: тѣмъ больше заботъ о школь и толковъ о ней, которые никогда не должны замолкать: тишина въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, нездорова. Но стоя на стражѣ интересовъ молодого поколѣнія, отдавая сердце этихъ интересамъ, не слѣдуетъ обманываться насчетъ истиннаго положенія дѣль и успокаивать свой взоръ на блестящихъ при-

зракахъ, увлекшихъ Демолена Простираясь впередъ, надо идти къ цѣли по землѣ, а не порываться достигнуть ея на крыльяхъ, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ. Чтобы воздержаться отъ такихъ порывацій, надо принять во вниманіе слѣдующее. Истинно идеальное воспитаніе и обученіе—такое, на какое не способенъ даже д-ръ Редди, можетъ быть, ведено только семьей. Но желать этого и значить желать имѣть крылья. Отдѣльная семья нынѣ не въ силахъ располагать тѣмъ запасомъ знаній и умѣній, какой требуется, чтобы приготовить человека образованнаго въ теперешнемъ смыслѣ слова. И еслибы она даже располагала этимъ запасомъ, она не можетъ тратить все свое время и все свои силы на обученіе и воспитаніе дѣтей: это время и эти силы неизбежно поглощаются вышшею дѣятельностію. Нѣкогда было не такъ: семья вполне довѣла воспитанію своихъ дѣтей: отъ нея требовалось много любви и цѣннаго знанія, чтобы поставить дѣтей въ уровень потребностей времени. Теперь, наоборотъ, для достиженія послѣдней цѣли дитя отдается въ чужія руки, не столь пѣжныя и мягкія, какъ руки родительскія. Такъ вѣдь постоянно въ исторіи шагъ впередъ въ одномъ отношеніи есть въ тоже время шагъ назадъ въ другомъ. Одинъ видный современный французскій историкъ отмѣчаетъ эти любопытныя, хотя и печальныя, совпаденія на многихъ страницахъ своей родной исторіи. Такъ, ростъ королевской власти во Франціи безъ сомнѣнія приносилъ съ собою порядокъ и миръ, но въ тоже время онъ сокращалъ мѣстныя льготы и уменьшалъ права гражданъ. Въ 1789 г. Франція приобрѣла много правъ политическихъ и гражданскихъ, но за то утратила силу, которая пораждалась только вѣрностію національнымъ традиціямъ. Человѣчество, говорилъ Лютеръ въ одной изъ своихъ Tischreden, подобно пьяному мужику на сѣдлѣ: поддержанный его съ одной стороны, а онъ падаетъ на другую ¹⁾.

И такъ, для надлежащаго отношенія къ тому типу школы, которая описывается Демолень, надо имѣть въ виду во-первыхъ несомнѣнныя преувеличенія, допущенныя въ описа-

¹⁾ Die Welt ist gleich wie ein trunkener Bauer. Hebt man ihn auf einen Sattel in den Sattel, so fällt er zur andern wieder herab.

ни, во вторыхъ то, что такія школы безусловно дороги даже для верхнихъ незначительныхъ слоевъ народа, и въ третьихъ то, что современныя условія требуютъ многоработающей и въ тоже время дешевой школы, т. е. до известной степени заставляютъ мириться съ существующимъ типомъ школы. Но только до известной степени... Старый школьный строй цѣлится въ капитальной починкѣ. Разумѣется, эти капитальныя передѣлки требуютъ времени: известный французскій профессоръ и академикъ Лависсъ отводитъ для нихъ полвѣка. Демолена отвергаетъ этотъ планъ, ибо родители не могутъ ждать такъ долго. Но за то полвѣковая работа можетъ дать дѣйствительное удовлетвореніе новыхъ запросовъ общества, а не дорогую забаву, которая можетъ утѣшить только ничтожную кучку богатыхъ родителей. Будемъ надѣяться, что эта долгая работа перестройки у насъ уже по-немногу начинается.

Очевидно, рецептъ Демолена для устранения недомоганія современной школы нельзя признать удачнымъ. Но за то описаніе самого недомоганія можно считать очень цѣннымъ и заслуживающимъ полного вниманія. Въ этомъ отношеніи почти все, что говорится о французскихъ школахъ, приложимо и къ нашимъ. Можно надѣяться, что читатель заинтересуется ходомъ критическихъ замѣчаній Демолена. Если это будетъ такъ, мы посоветуемъ ему приобрести брошюру „Новая школа“, которая прочтется съ рѣдкимъ удовольствіемъ съ начала до конца. Мы хотѣли бы и еще большаго. Книга Демолена „Отчего зависитъ превосходство англо-саксонскаго племени“, первые три главы которой составляютъ содержаніе первой половины брошюры „Новая школа“, въ настоящее время переводится въ Москвѣ на русскій языкъ. Если читателю покажутся цѣнными сужденія Демолена о школьномъ дѣлѣ, то еще съ болѣе интересными сужденіями по самымъ ягучимъ современнымъ вопросамъ встрѣтятся онъ въ дальнѣйшихъ главахъ книги французскаго социолога Демолена каждый вопросъ беретъ очень глубоко и освѣщаетъ его такъ интересно и легко, какъ это могутъ дѣлать только талантливыя французскія публицисты.—Если кто привыкъ измѣрять достоинство книги ея вышнимъ успѣхомъ, тому мы можемъ указать, что сочиненіе Демолена, появившееся въ Парижѣ 20 апрѣля 1897 г., до настоящаго вре-

меншъ выдержало множество изданій и переведено на языки—англійскій, нѣмецкій, испанскій, польскій, арабскій; теперь переводится на русскій языкъ. Отзывы печати всѣхъ странъ (часть ихъ приложена къ французскому изданію, пахлящему у насъ подъ руками) о книгѣ Демолена не оставляютъ желать ничего большаго.

И. Андреевъ.
